

О МОТИВИРОВАННОСТИ СЕМАНТИКИ
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЯЗЫКЕ
ТИЛДЕГИ ЛЕКСИКА-ГРАММАТИКАЛЫК БИРДИКТЕРДИН
МААНИСИНИН ЖҮЙӨӨЛҮҮЛҮГҮ ЖӨНҮНДӨ
ON MOTIVATION OF SEMANTICS
OF LEXICO-GRAMMATIC UNITS IN LANGUAGE

Зулпукаров К.З. – д.ф.н., профессор,
Ошский государственный университет, г. Ош. Кыргызстан.
email: zulpukarov48@mail.ru

Аннотация: В статье сравниваются китайско-киргизские общие корневые морфемы, словосочетания, предикативные образования, которые имеют тождественное происхождение. В ней доказывается, что семантика многих киргизских слов и их сочетаний мотивируется в своем исходе первичными корневыми морфемами-слогами в китайском языке.

Аннотация: Макалада кытай, кыргыз тилдериндеги теги бирдей жалпы уңгулуу морфемалар, сөз айкаштары, предикативдик түзүмдөр салыштырылат. Мында кыргыз тилиндеги көптөгөн сөздөрдүн жана сөз айкаштарынын семантикасынын келип чыгышы кытай тилиндеги баштапкы уңгулуу морфема-муундар аркылуу түшүндүрүлүүсү далилденет.

Annotation: The article compares the Chinese-Kyrgyz common root morphemes, word combinations, predicative formations that have the same origin. It proves that the semantics of many Kyrgyz words and their combinations are motivated in their outcome by primary root morphemes-syllables in Chinese.

Ключевые слова: китайский язык (ханью), киргизский язык, тюркские языки, общие слова, словосочетания и предложения, мотивация семантического строения лексико-грамматической единицы.

Ачык сөздөр: кытай тили (ханью), кыргыз тили, түрк тилдери, жалпы сөздөр, сөз айкаштар жана сүйлөмдөр, лексика-грамматикалык бирдиктердин семантикалык түзүмүнүн жүйөөлөнүүсү.

Key words: Chinese (hanju), Kyrgyz language, Turkic languages, common words, phrases and sentences, motivation of the semantic structure of the lexical-grammatical unit.

В данной работе термины ханью и китайский язык употребляются как синонимы. В ней мы пытаемся продемонстрировать мотивированность семантического строения киргизских лексико-грамматических единиц с точки зрения китайского языка, что свидетельствует об отдаленном генетическом родстве китайского и тюркских языков и их носителей.

В словарном фонде киргизского и других тюркских языков много таких слов, семантика которых наглядно и убедительно мотивируется китайскими первичными корневыми морфемами-слогами. Как хорошо известно, в ханью первоэлементом языка является не звук, а слог. Слог в нем выступает как минимальная, далее неделимая языковая единица, как элементарный носитель смысла, произносимый дифференцированно по тону. В ханью различаются ровный, восходящий, нисходящий, нисходяще-восходящий и нейтральный (немаркированный) тоны. Нейтральный тон характерен служебным

морфемам-слогам. В нашей работе тоновые различия слогов отмечаются с помощью надстрочных знаков.

С точки зрения ханью многие корневые морфемы тюркских языков оказываются производными, состоящими из древнейших слогов.

Китайское *ěr* «близкий, ближний, ближайший, недалекий, недавний, неглубокий» сравнивается с киргизским глагольным суффиксом *-ар, -ер, -ор, -өр* со значением сомнительного будущего времени: *кел-ер-мин* «наверное, я приду/приеду» (где *кел-* «прийти/приехать», *-ер* признак будущего сомнительного, *-мин* «я»), *бар-ар-сың* «ты, наверное, пойдешь/поедешь» (где *бар-* «пойти/поехать», *-ар* признак сомнительного будущего, *-сың* «ты»). С этим суффиксом сходен корень *эр* в слове *эртең* «завтра». Вполне можно допустить, что оно сложное и состоит из *эр* «будущее, ближайшее» и *таң* «утро, рассвет». Гласный звук второго слова подвергся прогрессивной ассимиляции, в результате чего произошел переход *эр + таң* в *эртең*. Теперь обратимся к фактам китайского языка. В этом языке есть слова *èr* «близкий, ближний, ближайший» и *dàn* «утро, рассвет, на рассвете, рано утром, утренний, день, дневная пора, днем, рассветать». Их сочетание могло образовать слово *er + tan*, к которому восходит киргизское наречие *эртең/эртеге* «завтра». А чередование *-н/-ң/-г* – распространенное явление в финальной части тюркских слов. Ср. в других языках: *эрген* в тур. диал., кумык., карачаево-балк., ног., алт., тув., *эртан* в узб. диал., *иртен* в хак., шор., бар., *иртан* в тат., башк., *эртең* в кирг., каз., ног., кара-калп., алт. языках в значении «утро, утром, наутро, поутру, рано утром; завтра, завтра утром» [3, 305-306]. Тот же корень *эр* мы обнаруживаем в слове *арзан* «дешевый, недорогой», где компонент *-зан* допускает сравнение со словом *зыян* «ущерб, вред, урон, убыток». Киргизское *зыян/зан* очень напоминает китайские лексемы 1) *xiàn/xiàn* (диал.) «нести ущерб, наносить ущерб, вредить, губить, запутывать, вовлекать в, ловить в (ловушку); яма, впадина, провал, западня, ловушка; проступок, ошибка, промах»; 2) *xiǎn* «вредить, портить, пресекать путь, воздвигать преграды, создавать препятствия»; 3) *jiǎn/jiàn* «экономить, экономный, бережливый, скудный, бедный, недостаточный; недостаток, неурожай, экономия, умеренность, бережливость»; 4) *jiǎn/xiàn* «уменьшать(ся), убавлять(ся), снижать(ся), сокращать(ся); уменьшенный, сокращенный, вычитать, отнимать, минус; портить, вредить, убивать, выводить из строя»; 5) *qiǎn* «терпеть урон (ущерб), быть притесненным, подпруга» (ср. кирг. *чыгым* «расход, ущерб, убыль, отход»). В китайском языке отмечается инициальное чередование *x-/j-/q-*, передаваемое киргизским звуком *з-*. Таким образом, есть основание считать, что в древнем языке архиформа слова *арзан* могла иметь значение «близкий к ущербу, к убытку» [2, 16-18].

Необходимо отметить, что не все киргизские слова с конечным *-л* являются первичными, непродуцированными. Материалы ханью позволяют нам уточнить исход некоторых подобных корней.

Киргизское слово *кул* «слуга, раб» имеет эквивалент в китайском языке в виде *kūlì* «чернорабочий, слуга, носильщик; не щадить сил в работе, надрываться в тяжелом труде». Смыслово-формальная общность двух сравниваемых слов налицо. Мы здесь первичной считаем китайскую лексему на том основании, что китайский язык мотивирует семантическую структуру слова, поскольку оно состоит из двух взаимосогласованных самостоятельных слогов: 1) *kǐ* «тяжелый, мучительный, жалкий, бедный; мучиться, страдать, горечь, страдание, мучение, несчастье» и 2) *lì* «подчиняться, принадлежать; зависимый, подчиненный; слуга, раб». Эта двусложная лексема на киргизской почве лишилась конечного гласного звука, подвергаясь сокращению и превращаясь в закрытый слог.

Киргизское *жол* «дорога, путь, трасса, дистанция, расстояние, след, колея, полоса, выход, проход» можно сравнить с китайскими лексемами: 1) *zhù/zhuó* «след, колея, путь,

наследие, дело, деяние, образец, пример»; 2) *zhé/chè* «колея, след колес, путь, дорога, образец, выход, столб, класс рифм». Здесь мы имеем дело с чередованием в китайских инициалах в виде *zh-/ch-*, соответствующих киргизскому начальному *жс-*. Различны финали: кит. *-ú/-uó/-é/-è* = кирг. *-ол*. Последнее можно было бы объяснить как соответствие киргизского закрытого слога китайскому открытому и признать первичным более развернутую, то есть киргизскую форму (*жу/жуо/же/че* из *жол*), если бы в китайском языке отсутствовали примеры, которые значительно дополняют и поясняют эти сравнения:

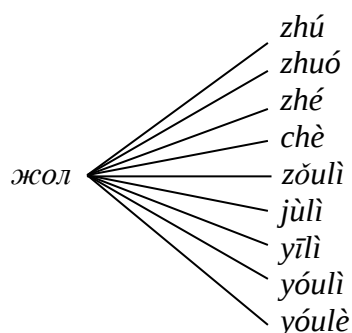
1) кит. *zǒulù* «идти по дороге, путешествовать», состоящее из слогов: *zǒu* «ходить (пешком), идти, прохаживаться, двигаться» и *lù* «дорога, наземный, по суше, сухим путем»;

2) кит. *jùlì* «расстояние, дистанция, просвет, пробел, дальность действия, дальноточность, досягаемость», состоящее из слогов: *jù* «крупный, огромный, громадный» и *lì* «расстояние, на расстоянии, расходиться, удаляться, раздвигать, удалять»;

3) кит. *yǐlì* «весь путь, тот же путь, вместе, по пути, с хода, по ходу»;

4) кит. *yóulì* «путешествовать, странствовать», *yóulè* «гулять, развлекаться, веселиться», которые, вероятно, состоят из слогов: *yóu* «гулять, прогуливаться, совершать экскурсию, обходить, объезжать, скитаться, бродить, кочевать, блуждать, путешествовать», с одной стороны, и, с другой, *lì* «расстояние, на расстоянии» и *lè* «радость, веселье, удовольствие; радоваться, веселиться, жить в радости; радовать, веселить; радостный, весело».

Инициали этих слогов *z-*, *j-* и *y-* соотносятся с инициалами *zh-* и *ch-* первых двух слогов как чередующиеся и могут быть отождествлены с киргизским начальным *жс-* в слове *жол*. Корреляцию приведенных корней можно представить схематически в следующем виде:

Китайские односложные (4) и двусложные (5) лексемы объединяются общим значением «путь, быть в пути, движение в пути», которое свойственно и их киргизскому аналогу. Мы допускаем предположение: киргизское *жол*, вероятно, производное и состоит из двух частей: первая часть – слог *жс-*, сравнимый с китайскими односложными лексемами, и вторая часть – инициаль *-л*, сравнимая с *-lù*, *-lì* и *-lè* в китайских двусложных лексемах, лишившихся конечных гласных в результате диерезы (см. *кул* - *кули*) [2, 235, 746-748].

Киргизские слова *кул* и *жол* имеют близкий фонетический облик к слову *чал* «старик, седой, пожилой мужчина, седой старик», которое тоже с точки зрения китайского языка является производным и, вероятно, состоит из двух первичных корней:

Плеоназм мы встречаем и в семантической структуре киргизского слова *сулуу* «красивый, изящный, прекрасный», которое сравнивается с китайским *xìulì* [сюли] «прекрасный, очаровательный, пленительный; красота, прелесть; прелестный», состоящим из слогов *xìu* «цветущий, прекрасный, прелестный, изящный, тонкий; цветок, колос; цвести, расцветать» и *lì* «красивый, прекрасный, изящный, роскошный, цветущий, блестящий, чистый, прозрачный». Прозрачность семантической структуры китайской лексемы служит основанием считать слово *сулуу* заимствованным из ханью. Конечный гласный на киргизской почве не подвергнут диерезе и даже, наоборот, заменяется долгим гласным. По требованию закона сингармонизма звуков слово *сюли* получает звучание в виде *сулуу*: серединный огубленный звук (второй компонент дифтонга первого слога) уподобляет себе как первый компонент дифтонга, так и гласный второго слога. Следовательно, фонетический облик слова *сулуу* приобретен в результате одновременного действия регрессивной (*ю/иу* > *у*) и прогрессивной (*у* < *и*) ассимиляции гласных. При этом последний гласный двусложного слова стал долгим, приобретая новое количественное свойство.

В киргизском языке есть существительное *куюн* «вихрь, смерч». Оно допускает сравнение с китайскими слогами: *kuī* «разваливаться, разрушаться, рушиться, распадаться, терпеть крушение», с одной стороны, и, с другой, *yǐn/yǐn* «рушиться, развалиться, падать (с высоты), ронять, падать вниз», а также *yǐn* «вращать, вертеть, поворачивать, совершать кругооборот, двигаться, вращаться, кружиться, поворачиваться, кругооборот». Следовательно, мы имеем основание предположить о семантической мотивированности киргизского слова *куюн* фактами китайского языка. С этой точки зрения заслуживает внимания смысловое и фонетическое строение киргизского слова *кыян* «сильный, стремительный поток дождевой воды, дождевые потоки, наводнение». Китайские два слога: *kuì/huì* «прорвать плотину, вырваться из окружения, разлиться, затопить/залить всю округу; растечься, разбежаться, распасться, потерпеть поражение; разбитый, разграбленный; взволноваться, растеряться, растерянный, взволнованный, потерявший голову; разрушаться, прорываться, разбить, разгромить, нанести полное поражение; буйный, бурный, грубый, гневный, буйно, неудержимо» + *yān* «мокнуть, намокать, пропитаться водой, обливаться (слезами, потом); погружаться в воду, уходить (в глубину), покрываться водой, затонуть; тонуть, утонуть; задерживаться, застревать, медлить, медленно течь (о времени), глубоко вникать, уходить с головой, упорно овладевать (знаниями); мочить, намачивать, пропитывать, увлажнять; затоплять, заливать, наводнить, погружать в воду, окунать; топить, окунать с головой», сочетаясь между собою, могло передавать в древности значение «наводнение, сель». Каждый из данных китайских слогов имеет богатую семантическую парадигму. Из них вычленяются самые актуальные для речевой ситуации значения, которые в пределах требований сочетательной валентности слогов, образуя одну синтагму, привели к возникновению слова *кыян*. Слово *кыян*, следовательно, имеет китайскую мотивацию и, вероятно, восходит к сочетанию «разлиться + затоплять».

Китайский слог *dōu* «карман, мешок, кошель, корзина» очень напоминает киргизское *-төк/-той* в словах: *чөнтөк/чонтой* (в говорах) «карман, мешочек из мошонки быка», *окчонтой* «колчан». Последнее состоит из трех корней: *ок* «стрела» (тюркское) + кит. *chōng* «наполнять, заполнять, выступать в качестве» + *dōu* «карман, мешок». Вторая половина, вероятно, послужила базой для образования слова *чөнтөк/чонтой*.

Киргизское слово *төлө/төлөө* «землянка; сложенный из камней шалаш (где скрываются охотники, которые ставят сеть на ловчих птиц)» этимологически связано с китайским *tǔláo* «тюрьма-подземелье, яма», где *tǔ* «земля, почва, земляной», *láo* «тюрьма, загон, хлев; надежный, крепкий, прочный».

В киргизском языке имеется лексема *шуушаң* «большие ножницы для стрижки овец, требующие работы двумя руками», которая тоже мотивируется фактами китайского языка, где *shǒu* «рука, ладонь, рабочие руки, умение, мастерство, мастер, умелец, вместе в руках, держать в руке, ловить, сдерживать, охватывать рукой», *shuāng* «два, оба, пара, ровня, парный, удвоенный»; ср. *shǒuzhǎng* «ладонь».

Сочетание китайского слога *shuò* «яркий, блестящий, сверкающий; высокий, возвышенный, образцовый; плавить, расплавлять; сжигать, испепелять, уничтожать; новолуние, утро, рассвет, начало суток» со слогом

уподобляться; быть таким же, как; соответствовать, отвечать, сообразовываться с; равняться, равно; похоже, кажется, как будто, будто, словно, наподобие; подобно тому как; соответственно, согласно, по, или, либо»; 3) *r*

«скупка, скупать, оптовая покупка, покупать оптом (партиями)», *dùn/dūn* «тонна» (ср. франц. *tonne* «тонна») + *yán* «идти (вниз) по течению, идти вдоль/по краю; прилегать к, примыкать к, граничить вплотную с, продолжать традицию, блюсти, сохранить в силе, следовать за; вдоль, по, согласно, в соответствии с, в зависимости от; берег, край воды» (кирг. *жан-* в словах: *жана* «и, также, недавно, только что, рядом с, с», *жанда-/жандоо* «быть около, быть/находиться рядом в походе, поездке, путешествии и т.д.», *жандап жүрүү* «идти сопровождая, идти рядом с», *аялын жандап* «сопровождая жену», *чоң жолго жандап жүрүү* «ездить вдоль большой дороги/шоссе», *жээк жандап/бойлоп баруу* «идти по берегу/вдоль берега») + *jìè* «граница, рубеж, межа, край; пограничный; пределы, рамки, границы; сфера, круг; граничить, ограничивать, разделять, отделяться»; *zhōng* «конец, окончание, крайняя точка, окончность, конечный; последний, наследок, в конце концов; весь до конца; закончиться, прийти к концу» (ср. *чек* «предел, граница, рубеж, межа, участок», *чек коюу* и *чекте-/чектөө* «ограничивать, ставить предел, определить зону действия, ограничение», *чек ара* «(государственная) граница», *чек эмес* «не предел, не конец, не окончание», *чегине жетти* «дошел до крайней точки, до финала», *өмүрдүн чегин* «конец жизни», *чектүү* «ограниченный, предельный, конечный» *чектеп* «пограничный, смежный; имеющий общую границу», *чекебел/жакабел* «около, вокруг, периферия, окружение, пограничная зона») + *suǒ* «излишек, остаток, с лишним», *dé* «получать, добывать, обретать», *suǒdé* «доход» (ср. кирг. *соода* «торговля, купля-продажа»). Слог *suǒ* мы находим и в слове *lèsuǒ* «вымогать, шантажировать», первая часть которого (*lè*) обозначает «принуждать, вымогать, силой требовать». Китайское сложное слово *lèsuǒ* соответствует киргизскому *аласа* «то, что причитается с кого-нибудь; то, что положено взять; ангел смерти» с протетическим гласным.

Словосочетание *майда манты* «мелкие манты» этимологически связано со слогами: *mǎo* «маленький, мелкий, мельчайший, ничтожный, тонкий, нежный, тончайший» + *dā* «пачка, связка, стопка, ряд, полоса, прядь» + *mántou* «хлебец, приготовленный на пару, пампушка, паровые пирожки». Здесь слоги *mēn* «томить, тушить (в посуде на медленном огне)» / *mèn* «закрывать наглухо, плотно закрытый» / *mèn/mēn* «томить, тушить (на огне), томлённый, тушённый; отпаривать, отмачивать; душный, спертый, душно» и *tóu* (словообразовательный суффикс, обозначающий предметы округлой формы), сочетаясь между собой, образовали название известного у нас блюда в качестве главного слова в определительном словосочетании.

Что касается словосочетания *унаа жуучу жай* «автомойка», то его составляющие тоже имеют этимологически идентичные эквиваленты в китайском языке.

В киргизском языке есть слово *улоо/ылоо/унаа* «рабочий скот, тягло, тяговая сила; верховая лошадь; транспорт». Оно находит соответствия в других тюркских языках: *улаг* в тур., туркм., уйг., сарыг-югур., сагай., тувин., шор., койб., качин. яз., *улау* в каз., кара-калп., *улаа* в лебедин., *улав* в узб., *лав* в казах., кара-калп., чуваш., *улак* в азерб. (*улак арба* «телега»), в тат. диал., лобнор., куманд., чаг., тур. диал., *олаг* в сарыг-югур., *олак* в узб. диал., *ылав* в башк., *ула* в алт., *унаа* в телеут., алт., *унага* в куман. языках [4, 69-70; 5, 588-559]. Здесь видно, что в тюркских названиях вьючного животного произошло чередование *л/н*. Наиболее распространенным является вариант со звуком *л*. Нет оснований считать, что конечный согласный в этих примерах является суффиксом. Видно, что они допускают возведение к общему пракорню, рефлексией которого, на наш взгляд, выступают китайские наименования вьючных животных. По нашему предположению, тюркский формант *улоо/улак/лав/лук* соотносится с китайскими слогами *liú* «мул», *liú* «белая лошадь с черной гривой», *liútuó* «(двугорбый) верблюд, верблюды (вьючный верблюд)». Киргизское *лөк* «одногоорбый верблюд-самец» очень напоминает эти китайские слова. Конечный согласный (-в, -к, -г) не является суффиксом, а рефлексией второй части

дифтонга уо. Мы как раз сравниваем киргизское *улоо/ылоо/унаа* «рабочий скот, тягло, верховая лошадь» с китайскими слогами *luò* «маршрут, экипаж, колесница», *luó* «мул», *lǚ* «осел»; *luòtuó* «двугорбый верблюд». Таким образом, первый компонент рекламного словосочетания является одним из вариантов номинантов вьючных транспортных средств, общих для сино-алтайских семей [3, 308-310].

Второй компонент рассматриваемого словосочетания имеет корень *жуу-* «мыть, смывать, стирать (белье), обмывать (труп), омовение» (ср. *жуун-/жуунуу* «умываться, купаться, очищаться», *жуундур-/жуундуруу* «заставить купаться, позволить умываться, заставить принять ванну»; азерб. *йу-* «мыть», халадж. *йуу-* «мыть») и сравнивается с китайскими слогами: 1) *уѵ* «совершать омовение, купаться, очищаться в; мыть, обмывать, купать, содержать в чистоте; купание, ванны»; 2) *уѵ* «мыло»; 3) *zhuó* «мыть, полоскать, омываться, промываться; смывать позор, обелять себя (от позора), пить». К этому корню присоединяется суффикс *-чу/-чуу, -чү/чүү/-чы, -чи, -чу, -чү*, являющийся признаком глаголов длительного прошедшего времени. Ср., например: 1) *ойноо* «играть, игра» – *ойноочу* «(постоянно) играл», *ойночуу/ойночу* «играл (постоянно)» от *ойно-* «играй, играть»; 2) *билүү* «знать, знание» – *билүүчү* «знал (всегда)», *билчүү/билчү/билчи* «знал (всегда)» от *бил-* «знай, знать»; 3) *айтуу* «говорить, рассказывать» – *айтуучу* «(постоянно) говорил, рассказывал», *айтчуу/айтчу/айтчы* «(постоянно) говорил, рассказывал» от *айт-* «говори, говорить; Расскажи, рассказать» и т.д., что очень напоминает китайский суффикс *-zhù/-zhu*, участвующий в передаче постоянного и длительного действия в прошедшем времени (в гуанчжоуском диалекте) и подчеркивающий переход действия в устойчивое результативное состояние (со значением «накрепко, намертво, прочно»). Киргизский признак действия и материально, и семантически близок к гуанчжоускому суффиксу.

Третьим компонентом словосочетания является лексема *жай* «место, дом, жилище, жильё, квартира; место работы, заведение, предприятие, место жительства; могила, кладбище», которая идентична с китайским варьируемым слогом *zhái/zhè* «жилище, квартира, резиденция, усадьба; могила, кладбище; участок земли, земельная площадь; жить в (доме, квартире), обосноваться (обитать, поселиться) в; занимать место; основать, заложить». В составе словосочетания эти этимологически идентичные лексические единицы употреблены в узком и конкретном значении.

Киргизское словосочетание *опоң чычаң* обозначает детскую забаву: жердь, положенная поперек бревна, на концы которой садятся дети и качаются вверх-вниз. Его строение объясняется по-китайски: *pián* «парный, двойной, парой, вместе» и *chíchěng* «мчаться верхом на коне, скакать во весь опор».

Приведенные и проанализированные выше примеры, имеющие общее этимологическое строение, не являются исключительными и специально подобранными образованиями, а обнаруживают много аналогов в тюркских и китайском языках, что свидетельствует о явных этногенетических и социокультурных связях древних тюрков и ханзу [1, 16-25].

Сравнивая предложения киргизского и китайского языков, мы установили в них ряд общих типологических свойств и отдельные этимологические связи.

В настоящей работе приведем и проанализируем некоторые киргизские предложения, составляющие которых идентичны с китайскими корневыми морфемами по происхождению. Например, предложение *Айланайын, эжеке!* «вы милая/любимая, старшая сестра» (букв. «чтобы я кружился вокруг вас, старшая сестра»). Ключевые единицы данной фразы имеют материально-идентичные эквиваленты в ханью. Киргизские слова *айлан-/айлануу* «двигаться вокруг, кружиться, вращаться, вертеться, превращаться, выражать готовность стать жертвой ради адресата», *айланайын* «ты милый/милая; ты любимый/любимая», *айлана* «окружность, окрестность» соотносятся с китайскими

слогами:

которых, вероятно, образовало общетюркский суффикс *-ке*, присоединяемый преимущественно к названиям лиц мужского пола.

Киргизское предложение *Баянсулуу жакшы кыз эле* «Баянсулу была хорошей девушкой» имеет этимологическое строение, мотивированное первичными китайскими слогами. Имя фольклорной героини, весьма распространенное в кипчакско-тюркских языках, с точки зрения китайского языка состоит из четырех корневых морфем. Первая часть имени употребляется как отдельное слово: *баян* «рассказ, повествование». Его структура прозрачна с точки зрения китайского языка, где *bǎo* «драгоценность, сокровища, ценность, реликвия; ценная вещь, клад; драгоценный, ценный» и *yān* «слово, говорить», сложение которых, вероятно, образовало слово *bǎo + yān > баян*. Ср. также *bǎojiàn* «народное сказание». В слове *сулуу* «красивый, прекрасный, прелестный» два слога, которые имеют прямые соответствия в ханью: *xìu* [сю] «цветок, цветущий, прекрасный, прелестный, изящный» + *lì* «красивый, прекрасный, прелестный, изящный; прелесть, красота». Ср. слово *xìulì* «прекрасный, очаровательный; красота, прелесть», образованное в результате сложения двух синонимичных слогов. В киргизских эквивалентах под влиянием закона сингорманизма произошла ассимиляция гласных звуков [2, 309, 369].

Китайское слово *yōushì* «преимущество, перевес, превосходство, доминирование, преобладание» по значению и звуковому облику очень напоминает киргизское *жакшы* «хорошо, хороший, лучше, лучший, превосходно, превосходный, знатный»; *жакшысыңбы?* «хорошо ли ты себя чувствуешь? как ты поживаешь?», *эл/журт жакшысы* «достойный из людей, превосходнейший из людей; глава, начальник».

Киргизское слово *кыз* «девушка, девушка, дочь, незамужняя женщина, женщина» допускает сравнение с китайским слогом *guī* «девушка, дочь, незамужняя женщина, женщина, женская половина дома; женский, дамский». Конечному *-ī* в китайском языке соответствует киргизский *-з* [8, 27]. Это не единичный случай. В современном китайском языке есть другие аналоги: слог *kuī* «смотреть, наблюдать, подглядывать, подсматривать, подстергать, следить, шпионить». В древнем китайском языке эти значения передавались слогом закрытого типа *kas* «оглянуться, посмотреть». Мы видим, что конечный согласный перешел в *-ī*. Древнекитайское *kas* мы сравниваем с киргизским словом *көз* «глаз, глаза». Этот факт свидетельствует о том, что киргизское слово сохранило древнейший звуковой облик слова. В киргизском языке есть и рефлексии китайского *guī* [гуэй]: *кудагый* «сватья (мать невесты, жениха или их пожилая родственница)», ср. *куда* «сват (отец невесты, жениха или их пожилой родственник)»; антропоним *Каныкей* (букв.) «дочь хана или жена хана» (имя жены эпического героя Манаса), где *-кей* напоминает китайское *guī*.

Таким образом, мы имеем финальные соответствия: кит. *-uī* = кирг. *-өз/ыз*.

Однако в тюркских языках звук *з* нередко чередуется со звуком *р*. Ср. *гыз* в азерб., *гыыз* туркм., *кыз* в тур., узб., уйг., кирг. кара-калп., тат., каз. и др., *кыс* в алт., гагауз., тув., *хыс* в хакас., *кыыс* в якут., а в чуваш. *хыр*, т.е. *з/с = р* [6, 17-18]; по-узбекски и по-уйгурски пишут *киз*, произносят *кыз*). Чувашское *хыр* «дочь» объясняет происхождение киргизского сложного слова *кыз-кыркын* «разные девушки, все девочки, все дочери, женщины», образованного на основе повтора, т.е. *кыз-/кыр-* с собирательным значением. Последний слог *-кын* сравним с китайским слогом *gēn* «сопровождать, следовать (позади), идти вслед (за), быть вровень (с), равняться с, вместе с, вслед за, у, в равной мере». Переход *е* в *ы* легко объясняется действием прогрессивной ассимиляции, когда корневой звук *ы* жестко требует уподобления ему гласного следующего слога и лишения качества переднеязычности.

Итак, мы имеем дело с межъязыковым финальным чередованием *з/р* (тюрк.) // *й* (кит.) в наименованиях концепта «дочь, девушка». Это чередование мы находим и в номинантах концепта «глаз, глаза»: кирг. *көз* «глаз, глаза» (татар. *күз*), *көр* «видеть,

глядеть, слепой (южн., эвфемизм)» (татар. *күр-*) и кит. *ки* «смотреть». Чередование *с/з/р/й* может встречаться в финальной части идентичных по происхождению слогов даже одного языка, например, киргизского: *кес-* (резать, рубить), *каз-* «рыть» (*көзө-* «продырявить»), *кер-* в словах *керки* «тесло», *керт-* «рубить, отрубить, надсекать, делать зарубку», *кый-* «резать, рубить» и т.д.

Киргизское *эле* – служебный глагол для обозначения прошедшего времени: *мен айткан элем* «я говорил», *сен айткан элең* «ты говорил» и т.д., который сходен с китайским служебным слогом *le* (частица со значением «что-то случилось и возникла новая ситуация»). Отличие сравниваемых служебных слов состоит в наличии протетического гласного в киргизском эквиваленте.

Сказанное позволяет заключить, что конструктивно-семантическая структура киргизской фразы *Баянсулуу жакшы кыз эле* в своем исходе мотивируется китайскими слогами. Правда, в подобных предложениях между подлежащим и предикатом в китайском языке вставляется служебная частица *shí* «быть, являться», которая напоминает киргизские указательные местоимения *ушу/ушул*, *шу/шул* (в говорах) «это, этот, эта».

Теперь рассмотрим составляющие предложения *mǎ chī cǎo* «лошадь ест траву» с точки зрения киргизской лексикологии и фонетики. Каждое из слов-слогов является членом парадигмы и выбрано говорящим для выражения мысли. Фраза и ее составляющие прозрачны и отдаленно напоминают киргизские речевые произведения. Слог *mǎ* «лошадь» сходен с киргизским междометием *ма-ма*, употребляемым для зова лошадей. *Ма-ма* употребляется в речи взрослых в значении «лошадь» при обращении к маленьким детям. Это пример междометного именованья. Слог *chī* с процессуальным значением созвучен с глаголами *же* «ешь» и *ич* «ешь (жидкую пищу), выпивай», а объектное наименование *cǎo* – с существительным *чөп* «трава». Фраза же в целом переводится так: *Ат чөп жейт*. Здесь объект препозитивен относительно глагола-предиката. Если в китайском языке действие, процессуальность, протекание действия в момент речи заключены в слоге-морфеме, то в киргизском действие – в корневых морфемах *же* «ешь, есть; кушай, кушать» и *ич* «ешь (жидкую пищу), выпивай», продолжительность действия передается деепричастным суффиксом *-й* (*жей* «едя, кушая») и *-е* (*иче* «едя жидкую пищу, выпивая»), субъект действия (3-е лицо) – лично-глагольным суффиксом *-т* «он, она». Последнее очень напоминает китайский прономинатив *та* «он, она».

Слова *chī* «ест» и *же* «ешь», *жейт* «ест» тоже созвучны и напоминают казахское *же/жейди*, узбекское и уйгурское *йе/йейди* «ест» и даже русское *йе* (*йем* «кушаю», *йеешь* «кушаешь» и т.д.). Отметим, что китайскому *ch* в киргизском языке часто соответствует звук *ж*: значение «враг, противник» по-китайски *chóu*, по-киргизски *жоо*, значение «отвечать, откликаться, отзываться» по-китайски *chóu*, по-киргизски *жооп*, значение «толстый, пузатый» в ханью *chūn*, в киргизском *жоон*, значение «цыпленок, птенец» по-китайски *chú*, по-киргизски *жөжө/чөжө*, в некоторых южных и узбекских говорах *жижи* «младенец» и т.д. Глагол *ич-* «есть (жидкую пищу), пить» представляет метатезу относительно китайского *chī* и тюркского *же-/йе-* «есть, кушать». В нем гласный предшествует согласному, в последних же согласные – гласным. Семантический объем корня *же-/йе-* шире значения корня *ич-*. Но эти корни часто образуют сложные слова: *жеп-ич* и *ичип-же* (с интерфиксами *-п* и *-ип*) «жить за чужой счет, есть не стесняясь, кушать вдоволь; брать подношение, получать взятку». Узость значения *ич-* (в отличие от *же-*) проявляется в том, что он употребляется при приеме жидкой пищи и напитка.

Объект представлен в ханью слогом *cǎo* «трава», который по звуковому облику сходен с киргизским *чөп* «трава». Китайское *с* соответствует киргизскому *ч* в целом ряде примеров: значение «брать в щепотку, щепотка» в ханью *siāo/siāo*, в киргизском *чымчуу/чымчым*, значение «запутать, запутаться» по-китайски *siāo*, по-киргизски

чатышуу/чатыштыруу и т.д. Киргизское *чөп* «трава» фонетически сходно с другим китайским слогом. В ханью есть слово *chǎo* «трава», которое может заменить слог *cǎo* «трава», образующий с ним одну семантическую парадигму. Китайским дифтонгам соответствуют звуко сочетания киргизского языка (*ao=өп*, *uo=ым*, *uo=ат*). В китайской и киргизской фразе только порядок слов разный: объект в ханью занимает постпозицию относительно глагола, а в киргизском – препозицию.

Таким образом, мы имеем все основания считать, что китайская фраза *mǎ chī cǎo* имеет прямые соответствия в киргизском языке, что свидетельствует о возможном отдаленном генетическом родстве сравниваемых языков. В парадигмах каждой из частей предложения и парадигмосинтагме всего предложения мы имеем дело с материально и семантически сходными эквивалентами в двух языках.

Выше нами приведено и проанализировано три предложения: два из них на киргизском, одно на китайском. Все слова, использованные в них, имеют этимологически идентичные эквиваленты в обоих языках. Считаем, что эти соответствия являются не случайными, а подчиняющимися определенным закономерностям.

Список использованной литературы:

1. Зулпукаров К.З. Об этногенетических и социокультурных связях ханзу и киргизов по данным языка // Вестник Ошского государственного университета. – 2014. - №2. – С. 16-25. (Совм. с А.А. Зулпукаровой).
2. Зулпукаров К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание. - Бишкек, 2016. – 768 с.
3. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные) – М.: Изд-во АН СССР, 1974. – 318 с.
4. Зулпукаров К.З., Амиралиев С.М. Протеза в киргизско-китайских лексических соответствиях // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура», 17-18 ноября 2016 года, г. Москва. - М.: Издательство РУДН, 2016. – С. 307-312.
5. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Л». – М.: Изд-во АН СССР, 1980. – 632 с.
6. Покровская Л.А. Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М., 1967. - С. 17-80.
7. Севортян Э.В. Категория сказуемости // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Часть II. Морфология. – М., 1956. - С. 19-35.
8. Яхонтов С.Е. Древнекитайский язык. – М., 1965. – 158 с.